

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/TEP-23-9>

УДК 159.9.01

Психология возможного и возможностное мышление

В.В. Знаков

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Резюме

Актуальность. Статья посвящена психологическому анализу новой для психологии возможного проблемы — возможностного мышления. Обосновано, что если классическая психология была направлена в прошлое, ориентирована на выявление связей прошлого опыта с текущим поведением, то креативный творческий потенциал психологии возможного заключается в том, что очень значительная ее часть устремлена в неизвестное неопределенное будущее. С точки зрения современной методологии научного познания, исследования в психологии возможного основаны на возможностном мышлении, включающем контрфактические рассуждения и интуитивную прозорливость.

Цель исследования: проанализировать теоретико-методологические основания возможностного мышления, основанного на контрфактических рассуждениях и интуитивной прозорливости.

Результаты. Осуществлен аналитический обзор исследований в области контрфактического мышления и интуитивной прозорливости. Выделены два главных направления исследований возможного — когнитивное и социокультурное. Когнитивное направление исследований отражает стремление ученых соотносить и сравнивать реальное положение дел с потенциально допустимым и потому возможным. Социокультурный подход имеет дело с возможным в такой реальности, в которой факты не являются однозначно «объективными», потому что зависят от мнений, установок, ценностей, норм людей. Социокультурное понимание мира человека основано на анализе не только действительного мира, но и отношения к нему возможных миров.

Выводы. Возможностное мышление не структурно-содержательно, а функционально. Оно актуализируется тогда, когда без направленности на варианты изменения познавательной или коммуникативной ситуации нельзя понять ее наличное состояние, а также потенциал возможного развития. Значимыми компонентами возможностного мышления являются контрфактические рассуждения и интуитивная прозорливость. Использование такого мышления дает познающему субъекту возможность глубоко и полно анализировать не только наличную познаваемую ситуацию, но и возможные прошлые и будущие варианты ее изменения.

Ключевые слова: возможное, возможностное, контрфактические рассуждения, интуитивная прозорливость.

Для цитирования: Знаков В.В. Психология возможного и возможностное мышление // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 2 (16). С. 5–22. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-9>

GENERAL PSYCHOLOGY

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-23-9>

Psychology of the possible and possibilistic thinking

Viktor V. Znakov

Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article is devoted to the psychological analysis of a new problem for the psychology of a possible — possibilistic thinking. It is substantiated that if classical psychology was directed to the past, focused on identifying the connections of past experience with current behavior, then the creative potential of the psychology of the possible lies in the fact that a very significant part of it is directed towards an unknown indefinite future. In the perspective of modern methodology of scientific knowledge, research in the psychology of the possible is based on the possibilistic thinking, including counterfactual reasoning and intuitive insight.

The objective of the study: to analyze the theoretical and methodological foundations of possibilistic thinking based on counterfactual reasoning and intuitive insight.

Results. The article presents an analytical review of research in the field of counterfactual thinking and serendipity. Two main areas of research into the possible are identified — cognitive and sociocultural. The cognitive direction of research reflects the desire of scientists to correlate and compare the real situation with the potentially acceptable and therefore possible. The sociocultural approach deals with the possible in a reality in which facts are not uniquely “objective”, because they depend on the opinions, attitudes, values, and norms of people. The sociocultural understanding of the human world is based on the analysis not only of the actual world, but also of the relation of possible worlds to it.

Conclusions. Possibilistic thinking is not structural and meaningful, but functional. It is actualized when, without focusing on options for changing the cognitive or communicative situation, it is impossible to understand its current state, as well as the potential for possible development. Significant components of possibilistic thinking are counterfactual reasoning and intuitive insight. The use of such thinking gives the cognizing subject an opportunity to deeply and fully analyze not only the current cognizable situation, but also possible past and future options for changing it.

Keywords: possible, possibilistic, counterfactual reasoning, intuitive insight, serendipity.

For citation: Znakov, V.V. (2023). Psychology of the possible and possibilistic thinking. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 2 (16), 5–22. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-9>

Возможное как фактическое и как воображаемое

Современная психология остро нуждается в концепциях, которые непротиворечиво объединяют в себе научные представления о понимании учеными самых разных областей мира человека. Одним из таких интегративных направлений

научных исследований является психология возможного. Классическая психология была построена на анализе прошлых знаний, опыта в познании и поведении. В многочисленных исследованиях, в которых все мы принимали участие, было получено множество интересных и полезных результатов. Например, стало ясно, что антиципация всегда «предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими» (Сергиенко, 2019, с. 355). Сегодня мы знаем, что согласно мнемическому условию понимания человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, прошлым опытом; совершенно неизвестное не может быть понятным (Знаков, 2005). Упрощая, можно сказать, что практически вся классическая психология была направлена в прошлое, ориентирована на выявление связей прошлого опыта с текущим поведением. А креативный творческий потенциал психологии возможного заключается в том, что очень значительная ее часть устремлена в неизвестное неопределенное будущее.

Сегодня ясно видны две главных перспективы исследований возможного — когнитивная и социокультурная (Glăveanu, 2018). *Когнитивное* направление исследований отражает стремление ученых соотносить и сравнивать реальное положение дел (например, в истории государства) с потенциально допустимым и потому возможным. *Социокультурный* подход имеет дело с возможным в такой реальности, в которой факты не являются однозначно «объективными», потому что зависят от мнений, установок, ценностей, норм людей. Особенно отчетливо это проявляется в психологии морали (Byrne, 2017). Основанием таких нормативных представлений является категория долженствования. В этом контексте ученые отмечают, что психологические исследования должны генерировать возможное будущее — «не для того, чтобы осветить то, что есть, а чтобы создать то, что должно стать» (Gergen, 2015, p. 294). Основными при этом являются умственные действия, направленные на сопоставление наличного с должным. Современная психология возможного возникла и развивается как новое направление исследований понимания, а понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (Знаков, 2005).

Социокультурное понимание мира человека основано на анализе не только действительного мира, но и отношения к нему возможных миров: «Идеология как форма создания мира действительно необходима для более глубокого анализа социальной и политической жизни. Она также очень четко показывает силу возможных миров по отношению к реальным. Даже когда материальные условия схожи, то, как они воспринимаются и интерпретируются, приводит отдельных людей и целые сообщества к различным выводам, различным убеждениям и различным направлениям действий. В конечном счете, без понимания института воображения общества мы не сможем понять, каким оно является, почему и как оно трансформируется. Последний пункт важен, когда речь идет о социальных изменениях и, в частности, о политическом искусстве и творческой активности. В этих контекстах не только различные группы людей, движимые разными целями, стремятся влиять друг на друга и формировать общество; на первый план выходят их различные взгляды на то, что представляет собой общество и, что самое главное, каким оно могло бы быть. И снова возможные миры возникают на основе конституирования “реальных”, реагируют на них, а также управляют ими» (Glăveanu, 2018, p. 521).

Жизнь состоит не только из свершившихся и происходящих сейчас событий: большую роль в осмыслении человеческого бытия играет несбывшееся, но возможное. Рассуждая о соотношении реального и возможного сюжетов романа «Евгений Онегин», об этом методологически точно пишет С.Г. Бочаров: «Герои больше своей судьбы, и несбывшееся между ними — это тоже какая-то особая и ценная реальность. И это несбывшееся тоже входит в смысловой итог романа» (Бочаров, 1999, с. 41). Возможность не только в творческом мире Пушкина, но и вообще в человеческом бытии всегда дополняет ту реальность, которая осуществляется. «Возможность не мечта. Возможность не иллюзия. Она не есть нечто, что только мыслится. Возможность существует, хотя и особым образом: философия знает это уже с Аристотеля, писавшего о существующем в возможности» (там же, с. 23).

Человеческое бытие состоит из известного и неизвестного: нашей памяти о свершившихся фактах и предчувствия скрытой реальности, воплощенной в осмыслении ожидаемых возможностей. Ожидаемое возможное расширяет представление познающего субъекта о действительном: «Роль возможного не в точном содержании, а в привнесенном ощущении *альтернативности бытия*» (Мартынова, 2004, с. 38). В коммуникации «принципиальное отличие возможностей, зарождающихся в динамически разворачивающемся высказывании, и возможностей, представленных в высказывании относительно завершеном, можно сформулировать так: в первом случае это то, что “может быть” (актуально), во втором — то, что “могло бы быть” (не состоялось)» (там же, с. 39).

Современная психология возможного включает две группы феноменов. На одном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном — невозможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта: знание о них нередко полностью противоречит его опыту. Связующим звеном, своеобразным мостом между ретроспективным возможным и непредсказуемым невозможным является фундаментальное научное положение А.В. Брушлинского об искомом в мышлении человека — прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи (Брушлинский, 2006). Еще одним мостом, связующим звеном между двумя типами возможного, между адаптивным возможным и преадаптивным невозможным, в психологии личности является феномен «возникающего» (Костромина, Гришина, 2021).

Основания психологии возможного следует искать в исследованиях, проводимых в четырех научных направлениях, детальный анализ которых осуществлен в монографии (Знаков, 2022): в философии возможного; в историко-эволюционной концепции преадаптации к неопределенности; в исследованиях применения принципа необходимого разнообразия в науках о природе и обществе; в реализации научных представлений о неопределенности мира человека и исследованиях возможностного мышления.

Во многих познавательных и коммуникативных ситуациях неопределенность присуща самой познаваемой и обсуждаемой реальности, в этом случае ученые говорят о ней как об онтологической категории. Неопределенность может также оказаться следствием недостаточности знаний или ценностно-нормативных представлений понимающего субъекта — это гносеологический аспект проблемы. В мире человека неопределенность неизбежна, она связана со сложностью, стоха-

стическим характером исследуемых процессов и внутренне присуща, в частности, постановке диагноза и прогнозированию исходов лечения. Попытки преодолеть ее врачом или пациентом могут быть *только безуспешными*. Вместо этого необходимо научиться справляться с неопределенностью, научиться жить с осознанием ее неизбежности и закономерности — неопределенность внутренне присуща самой жизни. Отсюда простой вывод: будущее нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять *возможностное мышление*, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе. Чем больше альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить.

Цель статьи — проанализировать теоретико-методологические основания возможностного мышления, основанного на контрфактических рассуждениях и интуитивной прозорливости.

Возможностное мышление

Изучая какую-либо ситуацию, ученый должен задавать вопросы не только о ее действительном состоянии, но и о том, что привело к тому, что она стала такой, может ли она быть другой и может ли она измениться? Чем больше способов возможного существования ситуации выявляет познающий субъект, тем полнее и глубже он ее понимает. Человек всегда думает не только о том, кто он в настоящем: в любое время он учитывает будущее, ориентируется на множество возможных ситуаций и состояний, в которых может оказаться.

Возможностное мышление направлено на оспаривание познающим субъектом своих же мыслей о понимаемом предмете, превращение знания о нем в конструктивное незнание. М. Фуко и теоретически, и практически анализировал феномен возможностного мышления, отвечая на вопрос «До какого предела можно мыслить иначе, чем мыслим мы?». Он писал: «Но что же представляет собой сегодня философия — я хочу сказать, философская деятельность, — если она не является критической работой мысли над самой собой? Если она не есть попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе, вместо того чтобы заниматься легитимацией того, что мы уже знаем? В философском дискурсе всегда есть нечто смехотворное, когда он хочет извне навязывать непреложные законы другим, указывать другим, где находится их истина и как ее обрести, или самодовольно берется рассудить все их дела в наивной позитивности; но исследовать, что в его собственном мышлении может быть изменено благодаря упражнению, в которое он превращает чужое для него знание — здесь философский дискурс в своем праве» (Фуко, 2004, с. 14–15). «Мыслить иначе» значит критически переосмысливать свою интеллектуальную позицию, приобретая знания о скрытом и неизведанном как о подлинном.

Позднее М.Н. Эпштейн, высказывая сходную точку зрения, говорил о том, что для него высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, странные утверждения: «Однако для меня высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, “странные” утверждения и вообще категория «странного» (ее можно связать с “остранением” В. Шкловского и тезисом Аристотеля, что философия рождается из удивления). Ее

можно определить как “наименее вероятное суждение”. Для меня важно писать, думать и говорить вещи, которые кажутся наименее вероятными, и при этом как можно более строго их обосновывать. Выявлять логику их “странности”. Делать очевидным далеко не очевидное» (Homo scriptor, 2020, с. 565). Развивая эту линию рассуждений и называя ее «удовольствием мыслить иначе», российский философ Ф.И. Гиренок подчеркивает, что сущность такого способа мышления проявляется в смещении взора мыслителя с оснований на границы, пределы возможного (Гиренок, 2021, с. 8).

Возможностное мышление сегодня уже не является «игрой разума», изоощренным способом рассуждений небольшой группы интеллектуалов, оно проявляется в самых разных сферах человеческого бытия. Вот каковы его проявления в журналистике: «Репортеры бывают двух видов. Серьезные, занимающиеся журналистским расследованием, например, для Washington Post или Wall Street Journal, обычно обзванивают несколько ученых, не связанных с исследованием, и узнают их точку зрения. Они ищут мнение, идущее вразрез с тем, что было опубликовано в репортаже. Но другие (и их большинство) полагают, что их главная задача — пересказать статью своими словами» (Левитин, 2018, с. 168). В этом контексте уместно напомнить, что в компании Apple со времен ее основателя С. Джобса лозунг «Мыслить иначе» был одним из главных принципов и рекламных роликов. И, возможно, именно эта мировоззренческая позиция определила коммерческий успех компании.

С психологической точки зрения, возможностное мышление является не структурно-содержательным понятием, как наглядно-образное или наглядно-действенное мышление, а функциональным. Это значит, что оно актуализируется тогда, когда без направленности на варианты развития познавательной или коммуникативной ситуации нельзя понять и ее наличное состояние, и потенциал возможного развития. И тогда даже внешние обстоятельства подталкивают познающего субъекта к переходу от анализа действительного к изучению возможного будущего. Примером может служить лозунг одного из научных семинаров по форсайту: «Нельзя спрашивать, как это происходит, надо спрашивать, как это может происходить».

А. Крафт, которая ввела это понятие в психологическую науку, пишет: «Задавая вопрос “что, если”, мы осуществляем переход от “что есть” к “что я/мы можем с этим сделать”. Этот ключевой пункт творчества и есть то, что я называю возможностным мышлением» (Craft, 2015, р. 177). В последнее время в западной психологии начинают появляться публикации, посвященные анализу этого феномена (Craft et al., 2013). В них подчеркивается несводимость возможностного мышления к когнитивным процессам, подчеркивается интегративность его когнитивных и социокультурных составляющих: «Возможностное мышление (possibility thinking) не только шире, чем понятие проспекции, но и, несмотря на использование термина “мышление”, не сводит возможное к ментальным процессам. Фактически, оно рассматривает его как воплощенный процесс переживания мира, характеризующийся постановкой вопросов, игрой, погружением и воображением, самоопределением и риском. Возможностное мышление также, по определению, является социальным феноменом, поскольку оно может быть подкреплено только социальным взаимодействием и использованием культуры. Эти предпосылки являются общими для

социокультурных теорий разума, творчества, воображения, образования и общества» (Glăveanu, 2018, p. 526).

Обращение психологов к исследованию феномена возможностного мышления побуждает их ответить на фундаментальный вопрос: «А зачем, познавая мир, субъект должен выдвигать гипотезы, рассматривать не только действительное положение дел, но и возможные его варианты?». Один ответ на него заключается в том, что анализировать разные стороны познаваемой ситуации необходимо для смыслообразования, более глубокого ее понимания. Другой ответ на вопрос содержится в различении возможного и возможностного. Категория и феномен «возможностного» отличается от «возможного» (Эпштейн, 2001). Возможное — это то, что реально может произойти (пожар, отпуск, болезнь) или могло быть (рождение дочери, а не сына; студенческая жизнь в Томске, а не в Москве; победа, а не поражение в спортивных соревнованиях). Возможностное — относится не к фактам действительности, а к разным фокусам их рассмотрения, точкам зрения на них. Можно сказать, что возможное это онтология познания, а возможностное — гносеология.

В семантическое поле «возможного» входит не только будущее, то, что прогнозируется, но и ретроспективное прошлое. Н.Е. Харламенкова, опираясь на идеи Е.П. Никитина, анализирует ретросказание как общую стратегию обращения к прошлому. Ретросказание представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным: «Ретроспективная активность основана на принципе обратимости и предполагает возвращение к истокам, которое совершается с определенной целью. Цель эта состоит в «пересмотре» своего опыта, в стремлении обнаружить в нем дополнительные возможности, либо, наоборот, в желании оправдать свои неудачи ссылками на негативные переживания. Из этого следует, что ретросказание может проявляться в виде разных психологических механизмов и не обязательно характеризует активность человека только как субъекта жизненного пути. В несубъектных формах активности преобладают эмоциональные механизмы, интуитивные переживания и озарения, которые тем не менее могут явиться основой ретросказания, построенного на когнитивной переоценке прошлого» (Журавлев, Харламенкова, 2018, с. 284–285).

Различение возможного и возможностного является важным в современной методологии научного познания. В частности, физики, придерживающиеся многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, говорят о том, что никаких многих классических миров «как миров физических, реальных, на самом деле вообще нет. Есть только один физический мир, это мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции. Просто каждая компонента суперпозиции, взятая в отдельности от остальных, представляет картину того, что наше сознание могло бы воспринимать как картину классического мира, а разным компонентам суперпозиции соответствуют картины разных классических миров. То, что мы называем «классическим (эвереттовским) миром», является только одной «классической проекцией» состояния квантового мира. Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя (осознаются субъективно), в то время как сам квантовый мир существует объективно, независимо от какого бы то ни было наблюдателя» (Менский, 2011, с. 98). Проекции — это возможностные характеристики познания квантовой реальности.

Применение категории возможностного мышления существенно расширяет и обогащает наши представления о мыслительной деятельности человека, потому что, применяя его, познающий субъект начинает анализировать не только факты, но и целый спектр скрываемых за ними возможностей. Контрфактические аргументы открывают перед людьми возможности, которые без них были бы проигнорированы. С этой точки зрения, «мышление есть не что иное, как движение сквозь действительность к скрытым в ней возможностям, так что сам действительный мир в свете мышления становится лишь *одним из возможных*, о котором мы получаем право вопрошать философски лишь потому, что он *мог бы быть другим*» (Эпштейн, 2001, с. 70).

Контрфактическое мышление

Контрфактическое мышление является такой разновидностью возможностного мышления, которое направлено на поиск альтернатив реальному, состоявшемуся прошлому: какой сегодня была бы Россия, если бы на выборах Президента РФ в 1996 г. победил Г.А. Зюганов? «Главная особенность контрфактуалов заключается в том, что они являются ментальными имитациями различных вариантов того, что могло бы произойти в прошлом» (Карпенко, 2017, с. 98). Контрфактическое мышление представляет собой ментальное представление того, каким бы был мир сейчас, если бы в прошлом все было иначе (Rafetseder, Perner, 2014): если бы я не заинтересовался психологией возможного, то не написал бы эту статью. Отличительной особенностью контрфактического мышления является «расширение действительного мира посредством представления или воображения того, что могло бы быть» (Карпенко, 2017, с. 106).

При этом надо иметь в виду, что в русскоязычных публикациях наблюдается смешение понятий «контрфакт» как отрицание действительно произошедшего и «контрфактуал», характеризующее вытекающий отсюда способ рассуждений. Обычно смешение обусловлено буквальным переводом английского слова “counterfactual”, поэтому я при анализе контрфактического мышления буду исходить из семантического тождества этих понятий

Контрфактический метод отрицания заключается в стремлении ученых представить мир иным, отличающимся от действительного. Общенаучным методологическим основанием контрфактического способа рассуждений является теория возможных миров, в наиболее ясном и полном виде описанная Д.К. Льюисом (Lewis, 1986). Сегодня методический прием отрицания фактического, реального положения дел для более глубокого и полного понимания познаваемого используется в разных науках: истории (Ткаченко, 2014), политологии (Tetlock, Belkin, 1996), культурологии (Chen et al., 2006), литературоведении (Мартынова, 2004), философии (Бестужев-Лада, 1997), психологии (Щербаков, Хабиров, 2018). Находит он применение и в практике, например, генетического консультирования: «Контрфактуалы помогают врачу при обсуждении диагноза обозначить возможные медицинские риски и набросать план того, как их избежать. Сам пациент также будет использовать контрфактуальные высказывания, спрашивая врача о своих возможных ошибках — в будущем или прошлом» (Лаврентьева, 2022, с. 11). На контрфактических рассуждениях основано мышление людей, работающих в по-

жарной инспекции: они обязаны предвидеть, что может случиться, если на предприятии отсутствуют средства пожарной автоматики, оповещения, сигнализации, пожаротушения, дымоудаления.

Существенный научный вклад в развитие представлений об альтернативном контрфактическом мышлении вносят историки. В исторической науке сегодня существует междисциплинарное направление контрфактических исследований, «в рамках которого изучается потенциальное прошлое, выраженное в различных альтернативах» (Нехамкин, 2011, с. 102). С точки зрения понимания психологической сути контрфактического мышления, важной является классификация разных, функционально дополняющих друг друга видов возможного: «выдвижение альтернативных гипотез (альтернативная история); создание сценариев (виртуальная история); проверка степени их истинности (экспериментальная история)» (там же). В альтернативной истории выделяются два уровня: персоналистский и событийный. На личностном уровне используются приемы продления срока жизни исторических персонажей (если бы М.И. Кутузов дожил до 1814 г., то он участвовал бы во взятии Парижа); удаления реально существовавших личностей из исторического процесса (если бы Сталин умер в 1940 г., то мировые события развивались бы в ином направлении); приписывание личности иных, отличных от действительных действий (в 1940 г. Гитлер планировал проведение десантной операции на Британские острова, но отказался от нее). На событийном уровне историки мысленно удаляют реальные события (В.О. Ключевский, считая восстание декабристов 1825 г. исторической случайностью, пытался ответить на вопрос: что было бы, если бы оно не случилось?); изменяют итоги реальных событий (каким был бы сегодня мир, если бы Германия выиграла Вторую мировую войну?); переносят реальные события на временной шкале (фашистский фельдмаршал В. Кейтель полагал, что если бы война с СССР была начата не в июне, а, как планировалось, в апреле 1941 г., то победа под Москвой была бы гарантирована: влияние на такой исход оказали бы отсутствие морозов, лучшее состояние дорог и т.п.). Несомненный интерес для психологов представляет разделение предположений «если бы...» на реально возможные и нереальные, которые при любых условиях не могли реализоваться (Нехамкин, 2011).

В политологии контрфактические рассуждения являются важным методом научного познания. Ф. Тетлок и А. Белкин отмечают, что политики постоянно используют контрфактические рассуждения, создавая мысленные представления о том, как другие отреагируют на тот или иной шаг, и принимая решения на основе таких моделей возможного будущего. При этом возникают типичные психологические проблемы. Одна из них — мотивационная природа предубеждений, возникающих у людей при оценке утверждений о правдоподобном положении дел, т.е. о возможных мирах. Другая проблема — необходимость выяснения когнитивных оснований истинности таких утверждений: очевидно, что контрфакты, лишённые проверяемых последствий в реальном мире, оставляют нас в гипотетических мирах, созданных нами самими. Еще одна психологическая проблема возникает при воспоминании о приверженности людей к соблюдению норм и сохранению привычного положения дел. Например, люди генерируют больше мыслей «если бы», узнав, что жертва дорожно-транспортного происшествия отклонилась от своего привычного маршрута в офис: легче объяснить несчастные случаи, пред-

ставляющие собой отклонения от привычного порядка. Отступления от нормы или статус-кво действительно порождают активные контрфактические рассуждения. В политике это принимает форму обсуждения возможных революций, смены лидера, убийства политических деятелей. На основании обсуждения этих проблем Ф. Тетлок и А. Белкин делают обобщенный вывод о том, что контрфакты — не пустые упражнения в фантастике, они являются полезным корректором простых детерминистических форм теории. Контрфакты заставляют ученых отказаться от детерминизма, признав роль случайности, того, что изменение хода политических событий не поддается описанию с помощью простых детерминистских моделей (Tetlock, Belkin, 1996, p. 8).

Психологические исследования контрфактического мышления разнообразны и интересны. Различаются два вида такого мышления: «Контрфактуальные суждения могут описывать альтернативные обстоятельства, которые оцениваются либо как более привлекательные, чем действительность (повышающие), либо как более пагубные по сравнению с ней (понижающие)» (Рёзе, 2012, с. 244). Исследования показывают, что, рассуждая, человек чаще прибегает к использованию повышающих контрфактических суждений, чем понижающих. Например, пациенты с раком молочной железы умеют конструировать приемлемые для них альтернативы перед лицом кризисов со здоровьем, находя и сравнивая себя с теми, у кого состояние еще хуже: «Женщина, которой удастся избежать мастэктомии, представляет себе женщину с одиночной мастэктомией, которая представляет женщину с двойной мастэктомией, которая думает о женщине, которая не выжила» (Kray et al., 2010, p. 111).

Н. Дж. Рёзе, пытаясь ответить на вопрос о том, когда вступает в действие контрфактическое мышление, утверждает, что «основной причиной, которая активизирует контрфактуальное мышление, выступает аффект. А именно, особенно часто контрфактуальные мысли могут быть спровоцированы отрицательными эмоциональными переживаниями. Когда человеку плохо, это может заставить его подумать: “А вот если бы...”. Такие мысли по большей части направлены на избегание того, от чего становится плохо, и в результате образуется представление о лучшем контрфактуальном мире. В более общем смысле, отрицательная эмоция воспринимается организмом как сигнал угрозы или насущной проблемы» (Рёзе, 2012, с. 246).

Не подвергая сомнению его экспериментальные данные, можно все же усомниться в универсальности такого вывода и предположить, что есть «неэмоциональные ситуации», в которых главную роль играет не аффект, а когнитивное сравнение. Исследования подтверждают это предположение: активизация контрфактического мышления происходит вследствие признания проблемы (расхождения наличного положения с желаемым) и *последующего* возникновения негативных эмоций, сопровождающих это признание. Контрфактические суждения способствуют формированию намерения, относящегося к будущему исправлению ситуации: после неудачно сданного экзамена и мысли «если бы я лучше готовился...» студент дает себе обещание впоследствии более серьезно относиться к учебе. Как избыток, так и дефицит контрфактических рассуждений негативно сказываются на психическом здоровье субъекта. Избыток проявляется в чрезмерной сфокусированности на проблеме, беспокойстве, тревоге, депрессии. «Напротив, дефицит контрфактического

мышления будет связан с дефицитом познания, сфокусированного на проблеме (например, неудовлетворенность, трудность в работе, социальная дисфункция), наряду с отсутствием негативного аффекта» (Epstude, Roese, 2008, p. 182).

Интуитивная прозорливость

В основанном на контрфактическом мышлении современном научном познании значительную роль играет модель “серендипити” (Merton, Barber, 2004). Serendipity (англ.) — способность к открытиям благодаря случайности или прозорливости, обнаружение фактов, открытие которых не планировалось. Серендипность — это свойство научного ума, основанное на интуитивной прозорливости и позволяющее ученому делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего он не искал намеренно. Так были открыты рентгеновские лучи, пенициллин, сахарин, принцип работы микроволновой печи. Прозорливость означает направленность познающего субъекта на возможное будущее и акцентуацию внимания на его деталях даже тогда, когда само будущее не является предметом исследования. Нередко в науке факт считается аномальным, удивительным потому, что он кажется несовместимым с доминирующей теорией или с другими установленными фактами. Серендипность мышления позволяет исследователю не только обращать внимание на такие факты, но и интерпретировать, понимать их. «Модель “серендипити”, таким образом, подразумевает непредвиденный, аномальный и стратегический факт, который заставляет исследователя выбрать новое направление, которое приводит к расширению теории» (Мертон, 2006, с. 213).

Р. Фридель подчеркивает, что, анализируя природу удачных открытий, следует понимать, что, хотя удача играет в них определенную роль, нельзя игнорировать интеллектуальную проницательность ученых при изучении, разработке и расширении результатов научного поиска. Интуиция в поиске и исследовании нового является результатом интеллектуальной проницательности, а не одной только случайности или удачи. Открытие нового по счастливой случайности это всегда сочетание случая и способности исследователя увидеть его (Friedel, 2001). Рассуждая в этом же ключе, Р.К. Мертон и Е.Г. Барбер определяют интуитивную прозорливость как дедукцию, совершающуюся после случайного наблюдения (Merton, Barber, 2004).

Интуитивная прозорливость активно исследуется современными учеными. Например, в работе Л. Маккей-Пит и Е. Томс анализируются пять моделей этого феномена, ни одна из которых по отдельности исчерпывающе не описывает его. Пять моделей дополняют друг друга, предлагают разные уровни детализации и перспективы будущих исследований, они в целом сходны в описании основных элементов серендипности. Вместе с тем модели не согласованы в анализе того, что именно образует непредвиденные, случайные стороны этого феномена. В исследованиях учитываются психологические процессы познающего субъекта, направленные на анализ того, каким образом люди начинают воспринимать свой опыт в качестве случайного, используя такие слова, как «рассмотреть», «воспринять» и «переосмыслить». Изучаются также процессы приписывания смысла незнакомым ситуациям и случайно обнаруженным фактам (McCaу-Peet, Toms, 2015).

Значимую роль играет анализ «подготовленного разума», настроенного на ожидание непредсказуемых изменений. Фон Хиппель и фон Круг анализируют

вали такой важный элемент интуитивной прозорливости, как способность видеть решение задачи до идентифицированной потребности в ней и сформулированной проблемы. Они исходили из того, что бывают случаи, когда решение может существовать до того, как будет определена необходимость. Таким образом, вместо традиционного процесса решения проблемы, при котором мыслящий субъект сначала определяет потребность, формулирует проблему, а затем предоставляет ее решение, авторы предлагают повернуть весь процесс вспять. Если сначала найти решение, можно определить ранее неизвестные потребности. Они предложили идентификацию пар «потребность — решение» как подход к решению проблемы, при котором формулировка проблемы не требуется: идентификация и формулировка проблемы, если она вообще проводится, происходят только после обнаружения потребности — решения (von Hippel, von Krogh, 2016).

Наряду с субъективно-личностными характеристиками изучаются и объективные факторы внешней среды. Подчеркивается, что как степень новизны открытия зависит от текущего состояния области знаний, так и, в свою очередь, случайные открытия со временем влияют на нее. Интуитивная прозорливость, серендипность отражает также взаимодействие между людьми и их окружением — окружающая среда может помочь устанавливать связи: «Интуитивная прозорливость характеризуется отсутствием намерений в отношении определенного процесса или результата, однако личные, а также социальные и контекстные факторы повышают вероятность случайных открытий, обеспечивающих значительные конкурентные преимущества. Поэтому менеджеры должны рассматривать свое видение как “гибкий зонтик”, под которым неожиданные события поощряются, а не запрещаются. Интуитивная прозорливость возможна только в том случае, если люди чувствуют себя в безопасности в своем окружении, когда условия допускают неудачи, а также неожиданные сюрпризы. В этих благоприятных для интуитивной прозорливости условиях предусмотрены физические и умственные пространства, позволяющие по возможности взглянуть на вещи с разных точек зрения» (Kamprath, Henike, 2019, p. 357).

Следовательно, интуиция, серендипность — это не просто удача, а сочетание усилий и прозорливости. Созданные модели свидетельствуют о том, что серендипность — это сочетание личных характеристик и факторов окружающей среды. Удивительные факты или неожиданные комбинации признаков становятся очевидными для познающего субъекта в результате взаимодействия внешних стимулов с подготовленным разумом, настроенным на восприятие нового и необычного. Для того чтобы интуитивная прозорливость стала возможной, людям необходимо иметь подготовленный ум и способность понимать, что конкретно можно связывать (McCay-Peet, Toms, 2015). Можно предположить, что немалую роль в положительном эффекте серендипности играет известная психологам «открытость опыту» — личностная характеристика, описывающая способность адекватно принимать идеи и ситуации, даже если они оказываются принципиально новыми и необычными. И некоторые исследования в этом направлении уже проводятся (Austin, Devin, Sullivan, 2012).

С точки зрения психологии возможного очень интересно исследование С. Мирвахеди о роли серендипности в обнаружении разных возможностей понимаемого, выполненное на материале менеджмента и маркетинга (Mirvahedi,

2017). Его статья представляет собой удачную попытку открыть новые горизонты в изучении интуитивной прозорливости в сфере предпринимательства. В ней представлены эмпирические доказательства того, что интуиция играет важную роль почти в каждом исследуемом бизнесе, независимо от его размера и «возраста». Интуитивная прозорливость может привести к открытию новых возможностей, которые предприниматели могут использовать для достижения роста. Например, при изучении использования предпринимателями социальных сетей обнаружено, что случайные встречи могут побуждать людей к исследованию новых возможностей: «Эти случайные встречи (например, встречи на праздниках) противоречат запланированным действиям, рациональному процессу и систематическому поиску информации и побуждают предпринимателей исследовать новые возможности для выхода на международные рынки» (Mirvahedi, 2017, p. 185). При сетевом взаимодействии и случайных встречах именно интуитивная прозорливость помогает предпринимателям распознавать возникающие возможности, но они должны быстро реагировать на них, используя свои ресурсы. Психологические ресурсы включают бдительность по отношению к изменениям окружающей среды и настойчивость в достижении целей — эти качества способствуют открытию новых возможностей. Хотя кажется, что серендипити возникает случайно, ученый предлагает схему для открытия непредвиденных возможностей. Она состоит из трех концептуальных блоков, которые могут способствовать случайному открытию, а именно из областей «предварительных знаний», «поиска» и «непредвиденных обстоятельств». Концептуальные блоки соотносятся с тремя типами серендипных ситуаций.

Во-первых, это интуитивная прозорливость Архимеда, который пытался понять, как измерить объем твердых тел неправильной формы. Погружаясь в ванну, он понял, что на тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненного объема жидкости. Архимедова интуиция применима к ситуациям, когда кто-то осуществляет поиск определенной возможности и находит ее посредством интуитивной прозорливости. В таких ситуациях ученый ищет А и находит его «случайно».

Во-вторых, интуиция по типу прибытия Христофора Колумба в Америку. Этот тип серендипности подразумевает поиск чего-то тогда, когда вы ищете что-то другое. Когда Колумб и его команда достигли Америки, они думали, что нашли новый путь в Индию, но вместо этого открыли другой материк. Такая серендипность предполагает нахождение одной возможности (В) тогда, когда вы ищете совсем другую (А).

Наконец, в-третьих, интуитивная прозорливость Галилея: он наблюдал в подзорную трубу горы на поверхности Луны и обнаружил четыре спутника Юпитера, которые не искал. Галилеевская интуитивная прозорливость предполагает нахождение с помощью знаний или опыта неопределенной возможности, которую вы активно не искали.

«У этих шаблонов есть несколько основных отличий. Разница между колумбовой и архимедовой интуицией — в предмете исследования. В колумбовом шаблоне выполняется поиск А и обнаруживается В. Третий паттерн отличается от первых двух. В схеме Галилея исследователь сталкивается с проблемой, которую не ищет.

Знания, смекалка и проницательность исследователя — ключи к открытию чего-либо с помощью интуиции» (ibid., p. 186).

Архимедова и колумбова интуитивная прозорливость предполагают поиск конкретных возможностей, а серендипность мышления Галилея направлена на нахождение нового, даже если вы его не ищете. Галилеевская интуитивная прозорливость чаще всего актуализуется на этапе формирования фирмы, когда предприниматели не имеют никакого представления о бизнесе и обладают небольшими знаниями или информацией (или вообще не обладают ими). Иногда чистая удача и случай вызывают у человека идею о бизнесе. Предпринимательская интуитивная прозорливость возникает всегда, когда ум готов воспользоваться любой возможностью. Это может произойти на этапе создания бизнеса или после его создания.

В западной науке серендипность активно изучается в медицине, истории, информатике и других науках. Психологические исследования этого феномена не только интересны и перспективны, они, безусловно, необходимы. В российской психологии, в частности, психологии творческого мышления, аналогом интуитивной прозорливости является понятие «побочного продукта» Я.А. Пономарева.

Как и в ситуациях серендипности, он возникает по принципу «искал одно, но нашел и другое». Обсуждая решение творческих задач, Пономарев писал, что, «помимо прямого осознаваемого продукта действия, отвечающего сознательно поставленной цели, в составе результата действия содержится побочный, неосознаваемый продукт, возникающий вопреки сознательному намерению, складывающийся под влиянием тех свойств предметов и явлений, которые включены во взаимодействие, но несущественны с точки зрения цели действия; побочный продукт не осознается тем, кто его производит, однако при определенных условиях субъектный полюс побочного продукта, т.е. неосознаваемое отражение его объектного полюса, может регулировать последующие действия человека, создавшего этот продукт, в частности, приводить к решению творческой задачи» (Пономарев, 1983, с. 44).

Исследование соотношения прямых и побочных продуктов мыслительной деятельности, несомненно, может способствовать раскрытию психологических механизмов серендипности.

* * *

Итак, в отличие от традиционных классификаций мышления (наглядно-действенное, наглядно-образное, словесно-логическое) возможностное мышление не структурно-содержательно, а функционально. Оно актуализируется тогда, когда без направленности на варианты изменения познавательной или коммуникативной ситуации нельзя понять ее наличное состояние, а также потенциал возможного развития. Значимыми компонентами возможностного мышления являются контрфактические рассуждения и интуитивная прозорливость. Использование такого мышления дает познающему субъекту возможность глубоко и полно анализировать не только наличную познаваемую ситуацию, но и возможные прошлые и будущие варианты ее изменения.

Литература

Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.

Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека: идея и реальность / Под ред. Г.Л. Белкина, М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2018.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2005.

Знаков В.В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 3-е изд. М.: Институт психологии РАН, 2022.

Карпенко А.С. Контрфактуальное мышление // Логические исследования. 2017. Т. 23, № 2. С. 98–122.

Костромина С.Н., Гришина Н.В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.

Лаврентьева С.В. Контрфактуальное мышление и проблема идентичности: казус коммуникации о генетических рисках // Философская мысль. 2022. № 12. С. 10–22.

Левитин Д. Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

Мартынова В.В. «Возможности» как конститутивный момент художественного повествования // Литературоведческий сборник. 2004. № 17–18. С. 35–41.

Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 102–120.

Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Рёзе Н. Контрфактуальное мышление. Горизонты когнитивной психологии: хрестоматия / Под ред. В.Ф. Спиридонова, М.В. Фаликман. М.: Языки славянских культур; Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012.

Сергиенко Е.А. Современные тенденции в психологии развития // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2019.

Ткаченко Н.А. История в сослагательном наклонении: опыт альтернативной истории. Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского // Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2014. Т. 27 (66), № 1–2. С. 167–174.

Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.

Щербаков С.В., Хабилов И.Н. Основные концепции контрфактуального мышления // Мир педагогики и психологии. 2018. № 12 (29). С. 128–133.

Эпштейн М.Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.

Austin, R.D., Devin, L., Sullivan, E.E. (2012). Accidental innovation: Supporting valuable unpredictability in the creative process. *Organization Science*, 23 (5), 1505–1522.

Byrne, R.M. (2017). Counterfactual thinking: From logic to morality. *Current Directions in Psychological Science*, 26 (4), 314–322.

Chen, J., Chiu, C.Y., Roesse, N.J., Tam, K., Lau, I.Y. (2006). Culture and counterfactuals: On the importance of life domains. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 37, 75–84.

Craft, A. (2015). Possibility thinking: From what is to what might be. In R. Wegerif, L. Li, J.C. Kaufman (Eds.), *The Routledge international handbook of research on teaching thinking* (pp. 177–191). London: Routledge.

Craft, A., Cremin, T., Burnard, P., Dragovic, T., Chappell, K. (2013). Possibility thinking: culminating studies of an evidence-based concept driving creativity? *International Journal of Primary, Elementary and Early Years Education*, 41 (5), 538–556.

David, R.M., Lehman, D.R. (1996). Counterfactual Thinking and Ascriptions of Cause and Preventability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (3), 450–463.

Epstude, K., Roesse, N.J. (2008). The functional theory of counterfactual thinking. *Personality and Social Psychology Review*, 12 (2), 168–192.

Friedel, R. (2001). Serendipity is no accident. *The Kenyon Review*, 23 (2), 36–47.

Gergen, K.J. (2015). From mirroring to world-making: Research as future forming. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 45 (3), 287–310.

Glăveanu, V.P. (2018). The Possible as a Field of Inquiry. *Europe's Journal of Psychology*, 14 (3), 519–530.

Номо скриптор: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Kamprath, M., Henike, T. (2019). Serendipity and innovation: Beyond planning and experimental-driven exploration. In J. Chen, A. Brem, E. Viardot, P.K. Wong (Eds.), *The Routledge Companion to Innovation Management* (pp. 343–360). London: Routledge.

Kray, L.J., George, L.G., Liljenquist, K.A., Galinsky, A.D., Tetlock, Ph.E., Roesse, N.J. (2010). From What Might Have Been to What Must Have Been: Counterfactual Thinking Creates Meaning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98 (1), 106–118.

Lewis, D.K. (1986). *On the plurality of worlds*. Oxford: Blackwell.

McCay-Peet, L., Toms, E.G. (2015). Investigating serendipity: How it unfolds and what may influence it. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 66 (7), 1463–1476.

Merton, R.K., Barber, E. (2004). *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton N.J.: Princeton University Press.

Mirvahedi, S. (2017). The role of serendipity in opportunity exploration. *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship*, 19 (2), 182–200.

Rafetseder, E., Perner, J. (2014). Counterfactual reasoning: Sharpening conceptual distinctions in developmental studies. *Child Development Perspectives*, 8 (1), 54–58.

Tetlock, P.E., Belkin, A. (1996). Counterfactual thought experiments in world politics: Logical, methodological, and psychological perspectives. In P.E. Tetlock & A. Belkin (Eds.), *Thought experiments in world politics* (pp. 3–38). Princeton: Princeton University Press.

Von Hippel, E., von Krogh, G. (2016). CROSSROADS-Identifying viable “Need-solution pairs”: Problem solving without problem formulation. *Organization Science*, 27 (1), 207–221.

References

Austin, R.D., Devin, L., Sullivan, E.E. (2012). Accidental innovation: Supporting valuable unpredictability in the creative process. *Organization Science*, 23 (5), 1505–1522.

Bestuzhev-Lada, I.V. (1997). Retro Alternatives in the Philosophy of History. *Voprosy filosofii (Questions of philosophy)*, 8, 112–122. (In Russ.).

Bocharov, S.G. (1999). *Plots of Russian literature*. M.: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Brushlinskiy, A.V. (1979). *Thinking and forecasting (logo-psychological analysis)*. M.: Mysl'. (In Russ.).

Byrne, R.M. (2017). Counterfactual thinking: From logic to morality. *Current Directions in Psychological Science*, 26 (4), 314–322.

Chen, J., Chiu, C.Y., Roesse, N.J., Tam, K., Lau, I.Y. (2006). Culture and counterfactuals: On the importance of life domains. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 37, 75–84.

Craft, A. (2015). Possibility thinking: From what is to what might be. In R. Wegerif, L. Li, J.C. Kaufman (Eds.), *The Routledge international handbook of research on teaching thinking* (pp. 177–191). London: Routledge.

Craft, A., Cremin, T., Burnard, P., Dragovic, T., Chappell, K. (2013). Possibility thinking: culminative studies of an evidence-based concept driving creativity? *International Journal of Primary, Elementary and Early Years Education*, 41 (5), 538–556.

David, R.M., Lehman, D.R. (1996). Counterfactual Thinking and Ascriptions of Cause and Preventability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (3), 450–463.

Epstude, K., Roesse, N.J. (2008). The functional theory of counterfactual thinking. *Personality and Social Psychology Review*, 12 (2), 168–192.

Epshteyn, M.N. (2001). Philosophy of the possible. Modalities in thinking and culture. SPb.: Aleteyya. (In Russ.).

Friedel, R. (2001). Serendipity is no accident. *The Kenyon Review*, 23 (2), 36–47.

Fuko, M. (2004). Use of pleasure. History of sexuality (2nd ed.). SPb.: Akademicheskii proyekt. (In Russ.).

Gergen, K.J. (2015). From mirroring to world-making: Research as future forming. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 45 (3), 287–310.

Glăveanu, V.P. (2018). The Possible as a Field of Inquiry. *Europe's Journal of Psychology*, 14 (3), 519–530.

Homo scriptor: Collection of articles and materials in honor of the 70th anniversary of M. Epstein. (2020). In M. Lipovetsky (Eds.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).

Kamprath, M., Henike, T. (2019). Serendipity and innovation: Beyond planning and experimental-driven exploration. In J. Chen, A. Brem, E. Viardot, P.K. Wong (Eds.), *The Routledge Companion to Innovation Management* (pp. 343–360). London: Routledge.

Karpenko, A.S. (2017). Counterfactual thinking. *Logicheskiye issledovaniya (Logical studies)*, 23 (2), 98–122. (In Russ.).

Kostromina, S.N., Grishina, N.V. (2021). Arising as a subject of research in personality psychology. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 4, 21–37. (In Russ.).

Kray, L.J., George, L.G., Liljenquist, K.A., Galinsky, A.D., Tetlock, Ph.E., Roesse, N.J. (2010). From What Might Have Been to What Must Have Been: Counterfactual Thinking Creates Meaning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98 (1), 106–118.

Lavrentyeva, S.V. (2022). Counterfactual Thinking and the Problem of Identity: A Case of Communication on Genetic Risks. *Filosofskaya mys' (Philosophical thought)*, 12, 10–22. (In Russ.).

Levitin, D. (2018). Guide to Lies. Critical Thinking in the Post-Truth Era. M.: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.).

Lewis, D.K. (1986). On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell.

Martynova, V.V. (2004). “Opportunities” as a constitutive moment of artistic narration. *Literaturovedcheskiy sbornik (Literary collection)*, 17–18, 35–41. (In Russ.).

McCay-Peet, L., Toms, E.G. (2015). Investigating serendipity: How it unfolds and what may influence it. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 66 (7), 1463–1476.

Menskiy, M.B. (2011). Consciousness and quantum mechanics: Life in parallel worlds (Miracles of consciousness — from quantum reality). Fryazino: Vek 2. (In Russ.).

Merton, R. (2006). Social theory and social structure. M.: AST. (In Russ.).

Merton, R.K., Barber, E. (2004). The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton N.J.: Princeton University Press.

Mirvahedi, S. (2017). The role of serendipity in opportunity exploration. *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship*, 19 (2), 182–200.

Nekhamkin, V.A. (2011). Counterfactual historical research. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii (Historical psychology and sociology of history)*, 4 (1), 102–120. (In Russ.).

Ponomarev, Ya.A. (1983). Methodological introduction to psychology. M.: Nauka. (In Russ.).

Rafetseder, E., Perner, J. (2014). Counterfactual reasoning: Sharpening conceptual distinctions in developmental studies. *Child Development Perspectives*, 8 (1), 54–58.

Reze, N. (2012). Counterfactual thinking. *Horizons of Cognitive Psychology: A reader*. In V.F. Spiridonov, M.V. Falikman (Eds.), (pp. 243–254). M.: Yazyki slavyanskih kul'tur; Rossijskij gumanitarnyj gosudarstvennyj universitet (RGGU). (In Russ.).

Sergiyenko, E.A. (2019). Modern trends in developmental psychology. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (Eds.), *New trends and perspectives of psychological science* (pp. 341–377). M.: Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Shcherbakov, S.V., Khabirov, I.N. (2018). Basic concepts of counterfactual thinking. *Mir pedagogiki i psikhologii (World of pedagogy and psychology)*, 12 (29), 128–133. (In Russ.).

Tetlock, P.E., Belkin, A. (1996). Counterfactual thought experiments in world politics: Logical, methodological, and psychological perspectives. In P.E. Tetlock & A. Belkin (Eds.), *Thought experiments in world politics* (pp. 3–38). Princeton: Princeton University Press.

Tkachenko, N.A. (2014). History in the Subjunctive Mood: An Experience of an Alternative History. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya" (Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Series "Philosophy. Culturology. Political science. Sociology")*, 27 (66), 1–2, 167–174. (In Russ.).

Von Hippel, E., von Krogh, G. (2016). CROSSROADS-Identifying viable "Need-solution pairs": Problem solving without problem formulation. *Organization Science*, 27 (1), 207–221.

Zhuravlev, A.L., Kharlamenkova, N.E. (2018). Dynamic approach to the study of the human psyche. In G.L. Belkin, M.I. Frolov (Eds.), *Human Institute: Idea and Reality* (pp. 280–290). M.: Lenand. (In Russ.).

Znakov, V.V. (2022). *The Psychology of the Possible: A New Direction for Research in Understanding* (3rd ed.). M.: Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Znakov, V.V. (2005). *Psychology of understanding: Problems and prospects*. M.: Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Поступила: 10.02.2023

Получена после доработки: 15.02.2023

Принята в печать: 20.02.2023

Received: 10.02.2023

Revised: 15.02.2023

Accepted: 20.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Владимирович Знаков — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>

ABOUT AUTHOR

Viktor V. Znakov — Dr.Sci. (Psychology), Professor, Senior Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>